

тература в первый раз стала выражением общества и потому начала оказывать на него сильное нравственное влияние. Чувствительные души были тогда если не лучшие души в обществе, то, без сомнения, самые образованные. Они резко отделились от *бесчувственной* толпы; но они гордились перед нею только своею способностью чувствовать, умиляться до слез от всего прекрасного и человеческого, а еще не тянулись в герои и великие люди. Но тем не менее разделение *избранных* от *толпы* уже обнаружилось. Оно не могло остановиться на одном месте, но должно было идти вперед, развиваться. Романтическая муза Жуковского своими очаровательно задумчивыми звуками, похожими на уныло гармонические звуки *эоловой арфы*⁹⁸, дала сантиментальному обществу более истинный и более поэтический характер. <...>

Мысли и заметки о русской литературе

1846

<...>

Карамзин из торной, ухабистой и каменистой дороги латинско-немецкой конструкции, славяно-церковных речений и оборотов и схоластической надутости выражения вывел русский язык на настоящий и естественный ему путь, заговорил с обществом языком общества, создал, можно сказать, и литературу и публику: заслуга великая и бессмертная! Мы признаём ее со всею охотою и считаем для себя не только за долг, но и за наслаждение быть признательным к имени знаменитого мужа; но всё это не даст содержания «Бедной Лизе», «Наталье, боярской дочери», «Марфе Посаднице» и пр., не сделает их интересными для нашего времени, и не заставит нас читать и перечитывать их. <...>

Взгляд на русскую литературу 1846 года

<...>

Карамзин окончательно освободил русскую литературу от ломоносовского влияния, но из этого не следует, чтобы он со-

вершенно освободил ее от реторики и сделал ее национальной: он много *для этого* сделал, но *этого* не сделал, потому что до *этого* было еще далеко. Первым национальным поэтом русским был Пушкин*; с него начался новый период нашей литературы, еще больше противоположный карамзинскому, нежели этот последний ломоносовскому. Влияние Карамзина до сих пор ощутительно в нашей литературе, и полное освобождение от этого влияния будет великим шагом вперед со стороны русской литературы. Но это не только ни на волос не уменьшает заслуг Карамзина, но, напротив, обнаруживает всю их великость: вредное во влиянии писателя есть запоздалое, отсталое, а чтобы оно владычествовало не в свое время, необходимо, чтобы в свое время оно было новым, живым, прекрасным и великим. <...>

Николай Алексеевич Полевой

...По словам Пушкина, Карамзин *к счастью* освободил наш язык от чуждого ига. Слово: *к счастью* указывает как бы на случайность, тогда как тут была необходимость, и Карамзин, — или кто бы ни был, лишь бы с такими же способностями, — не мог бы после Ломоносова сделать ничего другого, кроме этого освобождения языка от чуждого ига. Карамзин, разрушив дело Ломоносова, тем самым только продолжал его. Великий реформатор приходит не с тем, чтобы разрушить, а с тем, чтобы создать, разрушая...

Но точно ли Карамзин возвратил свободу нашему языку и обратил его к живым источникам народного слова? Известно, что его прозаический слог делится на две эпохи — доисторическую и историческую, т. е. что слог его «Истории государства

* Нам могут заметить, ссылаясь на собственные наши слова, что не Пушкин, а Крылов; но ведь Крылов был только баснописец-поэт, тогда как трудно было бы таким же образом, одним словом, определить, какой поэт был Пушкин. Поэзия Крылова — поэзия здравого смысла, житейской мудрости, и для нее, скорее, чем для всякой другой поэзии, можно было найти готовое содержание в русской жизни. Притом же, самые лучшие, следовательно, самые народные народные басни свои Крылов написал уже в эпоху деятельности Пушкина и, следовательно, нового движения, которое последний дал русской поэзии.